

Петров И. В. Епископат обновленческой церкви на территории СССР в 1941—1945 годах: трансформации политических взглядов / И. В. Петров // Научный диалог. — 2019. — № 4. — С. 312—328. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-312-328.

Petrov, I. V. (2019). Renovationist Church Episcopate in USSR in 1941—1945: Transformations of Political Views. *Nauchnyi dialog*, 4: 312-328. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-312-328. (In Russ.).

УДК 94(47).084.8+27-9“1941/1945”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-4-312-328

Епископат обновленческой церкви на территории СССР в 1941—1945 годах: трансформации политических взглядов¹

© Петров Иван Васильевич (2019), orcid.org/0000-0002-3692-7938, SPIN-code 3118-6407, Researcher ID K-8664-2013, кандидат исторических наук, ассистент кафедры новейшей истории России Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), i.petrov@spbu.ru.

Статья посвящена проблеме политических предпочтений обновленческого епископата в СССР в 1941—1945 годах. Автор отмечает, что, вопреки расхожему мнению о просоветской позиций всех архиереев-обновленцев на временно оккупированной нацистами территории РСФСР, многие из них успешно смогли вернуться к своему служению, заняли ранее пустующие епископские кафедры и активно проводили в жизнь антисоветскую пропаганду. Подчеркивается, что на территории, свободной от оккупации, лидеры обновленчества с первых дней войны активно стояли на просоветской позиции, призывали верующих к борьбе с врагом. Автором доказано, что первоначально советская власть оказывала обновленческой церкви ту же поддержку, что и сергианам, и только после сентября 1943 года начинается плавный перевес государственных предпочтений в пользу «староцерковников». Уделяется внимание тому факту, что в условиях окончания войны долгое время многие активные деятели обновленческого движения успешно конкурировали с Московской патриархией, а потом, когда необходимо было воссоединиться с Русской Православной Церковью, предприняли все возможные шаги для сохранения собственного влияния. Представленная авторская разработка опирается на материалы российских архивов, а также на современную научную литературу, посвященную проблематике истории религии в годы Великой Отечественной войны и изучению расколов внутри российского православия.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 18-78-00048 «Служение русского православного пастырства на временно оккупированных районах РСФСР в 1941—1944 гг.».

Ключевые слова: Обновленческая церковь; Великая Отечественная война; нацистская оккупация; Московская патриархия; Северный Кавказ; Кубань; Ленинград.

1. Введение

Обновленческое движение в Русской Православной Церкви в XX столетии стало одной из самых ярких и в то же время трагичных страниц истории. Оформившееся после событий 1917 года в виде «Всероссийского союза демократического духовенства и мирян» церковное движение за обновление в начале 1920-х годов получило широкую поддержку советских властей. В мае 1922 года лидеры обновленческого движения: протоиерей Александр Введенский, священники Владимир Красницкий, Сергей Калиновский и Евгений Белков, — вместе с сотрудниками Государственного политического управления (далее — ГПУ) встречаются с патриархом Московским и всея Руси Тихоном (Беллавиным) и выдвигают ему обвинения в нелояльности к большевистской власти. Тогда же была создана и Живая церковь — всероссийская группа поддержки реформ в Церкви. В 1923 году уже несколько обновленческих групп провели Второй Поместный собор, в ходе которого его участники выступили в поддержку второбрачия духовенства, преобразования монастырей в христианско-трудовые общины, введения брачного епископата, григорианского календаря. Также был лишен сана и монашества патриарх Тихон.

В 1925 году Православную Церковь настигло новое разделение: группа духовенства во главе с архиепископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским) и при поддержке органов Объединённого государственного политического управления (далее — ОГПУ) заявляет об отходе от подчинения патриаршему местоблюстителю Петру (Полянскому) и учреждает коллегиальный орган управления — Временный высший церковный совет (ВВЦС).

Внутри самой Патриаршей церкви в 1920-е годы также наблюдаются нестроения. В 1927 году заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский) выпускает документ, вошедший в историю как «Декларация митрополита Сергея (Страгородского)», в котором его автор заявляет о лояльности советской власти и отождествлении достижений последней с чаяниями православных верующих. Часть православных архиереев, представителей православного пастырства и мирян, не принимают данную политическую линию местоблюстителя и отходят от подчинения ему. Признавшие же руководство заместителя местоблюстителя, а впоследствии местоблюстителя и с 1943 года патриарха Московского и всея Руси архиереи и священники стали именоваться в ра-

ботах историков с е р г и а н а м и . Резко против лояльного курса по отношению к большевизму выступили представители эмигрантского духовенства. Архиерейский собор Русской Православной Церкви Заграницей (далее — РПЦЗ) еще в 1927 году резко осуждает выход декларации и прекращает сношения с церковными властями в Москве.

В середине 1920-х и 1930-е годы репрессии советской власти затронули представителей всех церковных православных юрисдикций СССР, в том числе и обновленческой. На момент начала войны незакрытыми оставались только 150 обновленческих церквей. Руководство обновленческой юрисдикцией осуществляло созданное в апреле 1941 года Высшее Церковное Управление во главе с председателем митрополитом Виталием (Введенским) и его заместителем митрополитом Александром (Введенским).

Касаясь событий Великой Отечественной войны, можно обнаружить следующую идеологическую дилемму: при абсолютной просоветской патриотической позиции лидеров обновленчества, первоиерархов всех православных церквей в СССР, митрополитов Виталия (Введенского) и Александра (Введенского), на временно оккупированных нацистами территориях РСФСР представители как обновленческого епископата, так и рядового приходского духовенства активно стали поддерживать оккупационный режим. Они критиковали в проповедях и в печати советскую власть, а также в некоторых районах, захваченных германскими войсками Юга России и Северного Кавказа, получили в свои руки рычаги влияния на жизнь епархий, отстранив сергиан.

В связи с этим фактом возникает вполне резонный вопрос о причинах подобного успеха среди обновленческого духовенства. Наиболее вероятный ответ исходит из приписываемой обновленцам позиции компромисса по отношению к любой светской власти, будь то национал-социализм гитлеровской Германии или же сталинский вариант большевизма. На поверку же истинные причины успеха обновленцев, а также их подлинные политические предпочтения оказываются несколько иными.

2. Обновленцы и идеологическая поддержка советской власти

Первоиерарх Обновленческой церкви в СССР митрополит Виталий (Введенский) совместно с заместителем первоиерарха, митрополитом, профессором богословия Александром (Введенским) выпустили наполненное советским патриотизмом послание сразу же после нападения Третьего рейха на Советский союз, тем самым почти в унисон заявив с митрополитом Сергием (Страгородским) о своей поддержке властей в тяжелейшей

обстановке разразившейся войны. Хочется заметить, что стиль данного обращения очень существенно перекликается с обращением митрополита Сергия (Страгородского): он также переполнен отсылками к русской истории, пестрит аналогиями с войнами прошлого, а единственным отличием, пожалуй, является еще более четкое выражение просоветских сентенций и подчеркивание «благодетельных» завоеваний большевиков. В послании перед нами предстают и Сергей Радонежский, и монахи Пересвет и Ослабя с Куликова поля, и Александр Невский, и герой смуты патриарх Ермоген. В тексте не раз подчеркивается «безумие» Адольфа Гитлера, проводятся недвусмысленные аналогии действий нацистов с деяниями тевтонцев или же Наполеона. Политика же СССР характеризуется исключительно мирной и направленной на противодействие разрастанию войны: «Беспримерное в истории нападение Германии на наше отечество наполняет наши сердца негодованием, справедливым и законным. Все православные иерархи равно охвачены этим чувством. Трудно было предполагать, чтобы нападению подверглась страна, которая имела своей задачей мирное строительство, открыто заявляла, что не хочет войны, не хочет пролития человеческой крови. И, действительно, если значительная часть человечества не первый год утопает в крови, нам удавалось, благодаря мирной политике Советского государства, избегать ужасов войны» [ЦГА Санкт-Петербург, ф. Р-9324, оп. 1, д. 5, л. 4.].

Вскоре руководство обновленческой юрисдикции стало действовать подобно своим основным конкурентам — сторонникам митрополита Сергия (Страгородского). Лидер обновленчества митрополит Александр (Введенский) старался, находясь в эвакуации, открывать новые приходы, активно выступал в поддержку властей, всячески пытаясь показать, что его юрисдикция должна быть основной в Советском Союзе. Подобно митрополиту Сергию, он тоже был эвакуирован в начальный период войны в Ульяновск, что подчеркивает особую значимость обновленцев для советской власти. Продолжились и назначения епископов на пустующие кафедры. Самым громким событием стала попытка организации управления обновленческими приходами Ленинграда.

Обновленческая кафедра в блокадном Ленинграде пустовала, хотя приходы, самым известным из которых был Спасо-Преображенский собор, в период блокады действовали. В 1943 году было принято решение о том, что бывший «староста» храмов Ленинграда, подчиняющихся юрисдикции митрополита Сергия (Страгородского), Сергей Румянцев перейдет в обновленчество и получит обновленческую епископскую хиротонию. Дело в том, что Румянцев уже пребывал в обновленческом расколе: с 1923 по 1926 годы

он прослушал курс лекций в Ленинградском Богословском институте, который был организован обновленцами на улице Халтурина (ныне Миллионная) дом № 31. Рукоположение во иереи он получил также от обновленцев, а именно от епископа Владимира (Пищулина). Местами довоенного служения обновленческого священника Сергея Румянцева стал Вознесенский собор Ленинграда с 1925 до 1933 год. В 1933 году он недолго был настоятелем в церкви Космы и Дамиана, а затем служил в Пантелеимоновской церкви [АСПБЕ, ф. 3, оп. 3 (2), д. 199, л. 15]. По данным М. В. Шкаровского, в 1934 году отец Сергей Румянцев дважды арестовывался, в результате второго заключения был осужден тройкой ОГПУ к трем годам лагерей и отбывал наказание на строительстве канала Москва-Волга в городе Дмитрове [Шкаровский, 2005, с. 608—609.]. В 1936 году его освобождают за ударный труд, и он служит заштатным обновленческим протоиереем в Ленинграде до того момента, как становится старостой церкви святого Иова на Волковом кладбище. Однако с началом блокады Сергей Румянцев переживает новый взлет своей священнической карьеры: с марта 1943 года служит в Спасо-Преображенском соборе, с апреля становится обновленческим протопресвитером и в конце концов обновленческие архиепископ Звенигородский Андрей (Расторгуев) и епископ Самаркандский Сергей (Ларин) хиротонисали Румянцева, несмотря на его состояние в браке, в обновленческого епископа Ладожского, временно управляющего Ленинградской епархией.

Занимая кафедру, епископ Сергей успел проявить себя как горячий советский патриот и активный участник пропагандистской кампании. Например, 22 июня 1943 года в своем послании, связанном с очередной годовщиной начала войны, епископ смог уместить Александра Невского, Дмитрия Донского, Петра I, А. В. Суворова, М. И. Кутузова, П. С. Нахимова и всегда упоминаемого в то время Кузьму Минина и рассуждения о сущности любви к Родине и патриотизме, призывы к скорой победе над врагом, облаченные в красивую литературную форму: «Безропотно, бодро, сознательно перенесем все тяготы и невзгоды жизненные, связанные с ведением жестокой войны. Твердо веря, что с помощью Божией и нашим общим патриотическим подъемом мы добьемся светлой и прекрасной жизни. Ночь испытания, ночь злобы коварной врага нашего — фашизма, со всем его смрадом подходит к концу. Приближается радостное утро победы и торжества великой правды жизни — воссиявшей в стране нашей Советской четверть века назад! Усилим же для приближения этого утра наш подвиг жертвы и молитвы» [Там же, с. 542—543.].

Однако же столь удачные обращения были характерны исключительно для 1943 года, уже совсем скоро Сергей Румянцев, как и практически

все обновленческое духовенство, встанет на путь покаяния и возвращения в Московскую патриархию. Удивительно, но на оккупированной территории обновленцы также смогли найти свою идеологическую нишу и достаточно удачно возглавили процесс приходского возрождения.

3. Обновленческий епископат и нацистский режим

Состояние как приходов, подчиняющихся обновленческой юрисдикции, так и тех, которые находились в ведении митрополита Сергия (Страгородского) на момент нападения Третьего рейха на Советский союз в июне 1941 года, было более чем плачевным: большинство епископов находилось либо в заключении, либо на покое, занимая гражданские специальности. С началом войны многие представители Православной Церкви вновь решили вернуться к управлению религиозной жизнью и наладили связь с оккупационной администрацией. Ниже рассмотрим наиболее яркие случаи подобного рода «возвращений».

На территории современной Воронежской области проживал обновленческий архиепископ Алексей (Щербаков). В обновленческий раскол священник Алексей Щербаков уклонился еще в 1922 году. Будучи в браке, он получает епископскую хиротонию и становится епископом Задонским. Позже, в период 1920—1930-х годов, он является обновленческим епископом Россошанским, викарием Воронежской обновленческой епархии, епископом Новороссийским, викарием обновленческой Кубано-Черноморской епархии, епископом Львовским, управляющим епархиальным управлением, архиепископом Козловским, викарием обновленческой Тамбовской епархии, архиепископом Белгородским, архиепископом Острогожским, вновь архиепископом Белгородским, архиепископом Борисоглебским [Лавринов, 2016, с. 99.]. Впоследствии, прослужив настоятелем в церквях Задонска и Льгова, по данным крупного современного специалиста в истории обновленческого раскола протоиерея Валерия Лавринова, обновленческий архиепископ в 1936 году уходит на покой.

Но с приходом в Острогожск Вермахта обновленческий архиепископ вновь приступает к управлению местными православными приходами. Довольно красочно этот процесс описали историки С. И. Филоненко и Н. В. Филоненко: «В г. Острогожске при оккупантах начал функционировать Ильинский кафедральный собор, во главе с архиепископом Алексеем (он же Щербаков), который правил Острогожской и Валуйской епархиями. На службе в соборе состояло 27 человек, из них 2 протоиерея, 2 дьякона, 2 иподьякона, ктитор и др.» [Филоненко и др., 2005, с. 149.]. Если опираться на мнение данных исследователей, можно сделать вывод о том,

что еще в самые первые месяцы и без того непродолжительной оккупации Воронежской области ключевую роль в возрождении местной приходской жизни стал играть узурпировавший церковную власть в регионе обновленческий архиепископ Острогожский и Валуйский.

Не менее известной стала и занятая им политическая позиция, также хорошо исследованная современными авторами. Из издания в издание переходят знаменитые цитаты владыки Алексия (Щербакова) о необходимости поддержки германского фюрера: «Милосердный Господь в лице благороднейшей личности Адольфа Гитлера дал спасение церкви и избавление от жидовского ига православному русскому народу. Совершилось чудо: сгинула жидовско-сатанинская нечисть, церковь воскресла, зажглись лампы перед ликами святых. Да здравствует благородный Адольф Гитлер! Многие лета его светлой жизни!» [Ковалев, 2011, с. 510.]. Первоначально эти слова, опубликованные в сентябре 1942 года в издаваемой при нацистах газете «Острогожский листок», были напечатаны в работе д.и.н. Б. Н. Ковалева, а недавно резко раскритиковал занимаемую в годы войны позицию обновленческого архиепископа и А. А. Фролов в своем объемном труде «Оккупация глазами переживших» [Фролов, 2015, с. 108]. Между тем подобная активная пронемецкая позиция и участие в нацистской пропаганде не повлияли на дальнейшую линию поведения архиепископа Алексия (Щербакова): он, как и большинство обновленцев, предпринял попытку воссоединиться после ухода немцев с Московской патриархией.

Однако несмотря на то, что на территории Воронежской области удельный вес обновленцев был большим, чем у других юрисдикций, развернуть полномасштабное религиозное возрождение у них так и не получилось. Совсем иной была ситуация на Северном Кавказе.

Именно здесь в период нацистской оккупации вновь возшла звезда еще одного известного обновленческого архиерея — Николая (Автономова). Отец Николай также уклонился в раскол еще в 1922 году. Подобно многим обновленческим деятелям он, находясь в браке, стал в 1927 году епископом и занял Ставропольскую и Александровскую кафедру. С 1932 года он был перемещен на Пятигорскую и Терскую обновленческую кафедру, но, зарекомендовав себя как интриган и авантюрист, пытавшийся учинить автокефалию, был вначале отправлен на покой, а потом запрещен в служении. В середине 1930-х годов епископ Николай (Автономов) вновь вернулся к служению и поочередно был епископом в Старом Осколе, Иваново и Александрове. В период усиления репрессий против Церкви и верующих архиепископ Николай (Автономов) ушел на покой и решил занять гражданскую специальность. На «светской» службе он добился определенных

успехов и встретил оккупацию в должности директора пятигорского мясокомбината. Воспользовавшись сложной обстановкой военного времени, обновленческий архиерей возглавляет местные православные приходы и налаживает самые прочные связи с нацистской администрацией [Лавринов, 2016, с. 389]. Существует версия, которой, в частности, придерживается крупный современный историк протоиерей Евгений Шишкин, согласно которой обновленческий архиепископ выдал советского патриота — протоиерея Василия Гаккеля — карательным органам, в результате чего священник, прятавший у себя в храме солдат Красной армии и шифровальную машину, был казнен [Шишкин, 2014, с. 117].

Не пожелав испытывать судьбу, владыка Николай (Автономов) решил отступить с территории Северного Кавказа вместе с германской армией. В дальнейшем он вошел в состав Украинской Автономной Православной Церкви и временно управлял Гомельской епархией как архиепископ Мозырский. На территории современной Беларуси он не только не способствовал религиозному возрождению, но и внес существенную неразбериху в жизнь местной епархии, при этом улучшив собственное материальное положение. Позже он занялся окормлением казачьих формирований в Северной Италии, перешел в РПЦЗ, а затем и вовсе стал католическим епископом восточного обряда [Слесарев, 2017, с. 117—118.].

На территории Краснодара также остался архиерей-обновленец, пытавшийся возглавить религиозную жизнь оккупированной территории Кубани. Священник Владимир Иванов перешел в обновленчество в 1922 году и уже в следующем году вошел в обновленческое Кубанское епархиальное управление. Его «карьерный» рост в структуре Обновленческой церкви на Кубани завершился возведением на епископскую обновленческую Кубанскую и Краснодарскую кафедру летом 1934 года [Лавринов, 2016, с. 179]. Именно возглавляя местных обновленцев, епископ Владимир (Иванов) и встречает нацистскую оккупацию. Архиерей-раскольник добивается серьезных успехов в деле восстановления местной приходской системы и отстаивания перед нацистами прав обновленческой юрисдикции. Так, именно в ведение обновленцев немцы передали вновь открытый для верующих Екатерининский собор Краснодара. В издаваемой органами управления при бургомистре города Краснодара газете «Кубань» обновленческий владыка именовался «новоцерковным епископом» («староцерковниками» или «тихоновцами» принято было именовать сторонников митрополита Сергия (Страгородского)). Епископ Владимир (Иванов) присутствовал на открытии многих храмов в кубанских станицах, выступал с проникновенными антибольшевистскими проповедями [Церковная...,

1942, л. 2.]. Лишь на завершающем этапе оккупации местная русская коллаборационистская администрация задумалась о необходимости соблюдения паритета в управлении православными приходами оккупированной Кубани и наметила кандидата на местную «староцерковную кафедру» [Из церковной..., 1943, л. 2.].

Что же касается самого епископа Владимира (Иванова), то он предпочел воссоединиться с Московской патриархией. Снова став священником, он в скором времени расторгнул брак, принял монашеский постриг с именем Флавиан в начале 1945 года и вновь стал епископом Краснодарским и Кубанским уже в подчинении Русской Православной Церкви. Более того, в дальнейшем владыке Флавиану (Иванову) удастся поочередно быть во главе сначала Орловской и Брянской, а впоследствии Ростовской и Каменской епархии, получить медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», а также принять участие в торжествах, посвященных 500-летию автокефалии Русской Церкви [Лавринов, 2016, с. 179.].

Наименьшего успеха из оставшихся под оккупацией обновленческих иерархов, проживающих на территории РСФСР, добился обновленческий Алатырский епископ, проживающий сначала на территории Иванова, а затем перебравшийся в Крым, Викентий (Никипорчик). Ранее запомнившийся крымчанам как сторонник закрытия православных приходов в Ялте в середине 1920-х годов, уполномоченный Таврического обновленческого епархиального управления, а теперь епископа, Викентий (Никипорчик) предпринял тщетную попытку взять в свои руки управление местными возрождавшимися приходами. Однако, натолкнувшись, с одной стороны, на противодействие местных русских коллаборантов, а с другой — будучи уличенным в выдаче свидетельств о крещении иудеям, он был арестован Службой безопасности (СД) и отправлен в печально известный лагерь смерти на территории совхоза «Красный» в селе Мирное, недалеко от Симферополя. Впоследствии обновленческий епископ Викентий (Никипорчик) оказывается в Мелитополе. Однако доверие к нему со стороны нацистов было подорвано, и закрепиться здесь ему так и не удалось [Петров, 2017, 192—193].

Следует отметить, что обновленческий епископат очень ловко смог встроиться в парадигму религиозного возрождения на временно оккупированной нацистами российской территории. Его традиционно лояльная позиция по отношению к гражданской власти была быстро экстраполирована на нацистскую администрацию. Лояльность к большевикам отныне была трансформирована в ярый антибольшевизм, иногда доходивший до прямого сотрудничества с органами СД и прославления Гитлера.

4. Обновленческий епископат в 1944—1945 годов: противостояние-слияние-влияние

Из вышеописанного процесса может сложиться впечатление, что буквально все представители обновленческого духовенства заняли лояльную по отношению к нацистской администрации позицию. Однако ситуация была далеко не такой простой. Дело в том, что некоторые районы РСФСР, оказавшиеся под немцами, вовсе находились вне обновленческого влияния. Так, территория Северо-Запада России стала зоной ответственности «Православной миссии в освобожденных областях России» (Псковской миссии), созданной административным гением верного ученика митрополита Сергия (Страгородского) — Экзарха Прибалтики Сергия (Воскресенского). На территории нынешних Брянской и Смоленской областей религиозное возрождение завершилось признанием авторитета Белорусской Православной Церкви, а на Орловщине образованное при немцах епархиальное управление так и не нашло возможности восстановить каноническое подчинение Московской Патриархии или же РПЦЗ.

Отдельные регионы Юга России остались тоже под окормлением священников-сергиан. Так, в докладной записке на имя секретаря крайкома ВКП (б) Адыгеи Селезнева «О деятельности православного духовенства, церковников и сектантов по гор. Майкопу», составленной секретарем областного комитета Кривенко, отмечено, что при нацистской оккупации наибольшую антисоветскую активность, выразившуюся в том числе «в насаждении религиозных общин, состоящих из враждебных советской власти элементов», проявляли «непримиримые тихоновцы» протоиереи Петр Космодемьянский и Павел Ливонов [ЦДНИКК, ф. 1774-а, оп. 2, д. 729, л. 1-2-оборот]. Деятельность этих представителей духовенства описывается Кривенко исключительно в отрицательной коннотации, отмечается, что эти представители духовенства способствовали процессу открытия в городе Майкопе пяти православных церквей, служить в которых стали также представители «крайне тихоновского направления» (цитата Кривенко) [Там же, л. 1]. Далее автор докладной записки приводит еще более любопытные суждения: описывая подрывную деятельность тихоновцев периода оккупации, выразившуюся в доносах на советских патриотов и пронацистской пропаганде на страницах газеты «Майкопская жизнь», он приходит к заключению, что после ухода немцев с ними ушли и ярые священники-антисоветчики, а Космодемьянский и Ливонов были советскими специальными органами тут же арестованы. Православные приходы Майкопа стали переходить в обновленческую юрисдикцию, которую Кривенко характеризует не иначе как «лояльную к советской власти

новообновленческую ориентацию» [Там же, л. 1-оборот-2.]. Единственного же оставшегося в лоне каноничной церкви бывшего благочинного отца Илию Щербаня советский функционер характеризует как антисоветчика, который в своих проповедях критикует советскую власть, устраивает молебны за страждущих и находящихся в заключении, а также справедливо заявляет о давних связях обновленцев с органами НКВД. Помимо «протоиерейских проповедей» в стенах своей общины, отцу Илие приписывалась агитация среди прихожан обновленческих общин [Там же, л. 2].

Данная докладная записка датирована августом 1943 года — временем, когда еще не была predetermined будущая политика сталинской власти, ориентирующаяся на Московскую патриархию. Видно, что и советские власти на местах по наитию стали отдавать предпочтение обновленцам, всегда более близким им по своим политико-идеологическим взглядам. В этот период 1943—1944 годов на территории Юга России начинается сбор средств в Фонд обороны, в ходе которого на начальном этапе также большую помощь стали оказывать обновленческие приходы. Чтобы не быть голословными, приведем несколько примеров данного процесса.

В первую очередь следует обратиться к православным приходам Краснодара и близлежащих районов. В апреле 1944 года уполномоченный по делам РПЦ по Краснодарскому краю Кириллов, рапортуя Карпову о количестве собранных на оборону денежных средств и предметов, отмечал, что обновленцы зачастую собирают больше средств, чем «патриаршая церковь», хотя количество их приходов стало резко сокращаться. Так, на танковую колонну имени Александра Невского духовенством и верующими Московской патриархии было собрано 600 000 рублей, обновленцами же на 100 тысяч больше [ГАКК, ф. р-1519, оп. 3, д. 2, л. 4.]. При всем этом соотношение приходов было уже не в пользу обновленческой иерархии: 133 прихода относились к Русской Православной Церкви Московского Патриархата (РПЦ МП), а 86 — к обновленческой юрисдикции [Там же, л. 7-оборот.]. Из данных, представленных тем же Кирилловым, на территории Краснодарского края продолжился процесс перехода православного духовенства из обновленчества в Московскую патриархию. Только за 1943 год в крае 6 общин приняли решение о присоединении к Патриаршей церкви, не чувствуя при этом какого-либо противодействия ни со стороны прихожан, ни со стороны духовенства [Там же, л. 4.]. Изменилась значимость и удельный вес двух конкурирующих юрисдикций: после сентябрьских выборов в Москве патриарха политическое влияние «новоцерковников» начинает снижаться, постепенно тенденция разворота советской власти в сторону более консервативной части духовенства про-

является четче и экстраполируется на местах. Нельзя списывать со счетов и пропаганду со стороны сергиан: в том же Краснодарском крае стали распространяться письма, в которых содержалась агитация за переход в Русскую Православную Церковь.

Дело оставалось за малым: самим обновленческим иерархам теперь было необходимо в кратчайшие сроки определиться со своими политическими предпочтениями и решить вопрос с канонической принадлежностью. Брать в расчет тех церковных деятелей, которые предпочли эвакуироваться на Запад с отступающим вермахтом или же были арестованы советскими специальными органами, не будем: их выбор был предопределен внешними причинами и не был самостоятельным. Совсем другой вопрос — позиция того обновленческого епископата, который остался на территории СССР и пожелал продолжить свое служение.

Еще в 1944 году сохранялась иллюзия возможности существования отдельной обновленческой структуры Юга России и Северного Кавказа. Тот же видный обновленческий иерарх Владимир (Иванов) сумел организовать впечатляющий сбор средств на нужды воюющей армии и проявлял себя как умелый и авторитетный хозяйственник в сравнении с назначенным на Кубань епископом — сергианином Фотием (Топиро), ранее принадлежавшим к григорианскому расколу. Местный уполномоченный по делам Русской православной церкви также благоволил именно к обновленцу — епископу Владимиру (Иванову) и считал, что при объединении двух юрисдикций следует оставить на кафедре именно Иванова, популярного церковного деятеля хорошо известного кубанским верующим и лояльного по отношению к советской власти [Там же, л. 16.]. Активно пропагандировал он и необходимые для гражданской администрации шаги: популяризацию участия населения в сельскохозяйственных работах, в том числе в ущерб посещению богослужений [Там же, 16-оборот].

Удивительно, но умение подстраиваться под разные формы светской власти помогло многим обновленцам удержаться на плаву и в критический для обновленческой церкви период окончания войны. Пойдя на покаяние, утратив на некоторое время былую власть, тот же епископ Владимир (Иванов) был назначен в самом начале 1945 года на Кубанскую и Краснодарскую кафедру, вытеснив тем самым своего соперника — владыку Фотия (Топиро). Еще через четыре года, когда бывший обновленец получит назначение на Орловскую и Брянскую кафедру, на Кубани его сменит еще один «столп» обновленческой юрисдикции — архиепископ Гермоген (Кожин), только волею судьбы не переживший нацистскую оккупацию. Василий Кожин, названный крупным современным исследователем обновленческого

движения протоиереем Евгением Шишкиным «маршалом воинствующих обновленцев», был самым ярким борцом с «тихоновцами» в довоенный период, теперь же он избрал иную тактику и воссоединился с Московской патриархией, принеся покаяние архиепископу Ставропольскому и Бакинскому Антонию (Романовскому) [Шишкин, 2015, с. 108—109.]. Бывший обновленческий митрополит Северо-Кавказский и Ставропольский в сане протоиерея способствовал вхождению в РПЦ обновленческих приходов. Затем он смог вернуть себе прежнее положение, встроившись в церковную иерархию ранее ему столь ненавистной «тихоновской» юрисдикции.

Эффектным и скорым был переход в Патриаршую церковь и служивших на незанятой немцами территории РСФСР епископов. Приведем лишь пример того же обновленческого епископа Сергея (Румянцева). В июле 1944 года он был принят в общение с РПЦ МП путем покаяния, которое состоялось 24 июля 1944 года в Николо-Богоявленском соборе Ленинграда при участии временно управляющего Ленинградской епархией архиепископа Псковского и Порховского Григория (Чукова), протоиереев Павла Тарасова, Николая Ломакина и Филофея Полякова, а также председателя двадцатки собора Н. Д. Успенского. В тексте покаяния были и такие строки: «Здание обновленчества было построено на песке. Не желая быть ослушником воли Божией и находиться вне Православной Церкви, я решил бесповоротно уйти из обновленческой организации и, принося искреннее раскаяние за свою работу в ней, прошу приять меня в общение в том состоянии, в котором найдет возможность это сделать Священный Синод» [АСПБЕ, ф. 1, оп. 3(2), д. 199, л. 15.]. Любопытно отметить, что после покаяния и возвращения в лоно Московской патриархии он начал довольно быстро получать в ней назначения на приходы. Так, 19 сентября 1944 года Румянцев был определен настоятелем Свято-Троицкой церкви в Лесном (бывшей иосифлянкой), а уже в конце следующего 1945 года вернулся настоятелем в бывший обновленческий кафедральный Спасо-Преображенский собор. Вместе с этим отец Сергей Румянцев получил должность преподавателя на ленинградских Пастырско-богословских курсах, а в 1946 году был временным членом правления Ленинградской духовной семинарии [Там же, л. 4.].

5. Заключение

В целом можно с уверенностью говорить об уникальном явлении, характерном для политической позиции обновленческой юрисдикции периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. Так, если в довоенный период, несмотря на благосклонное отношение к обновлен-

цам государственной власти, они тоже претерпевали существенные репрессии со стороны большевиков, в годы войны и нацистской оккупации им удалось сохранить, а в некотором смысле и улучшить свое положение. Несмотря на официально объявленную позицию безоговорочной поддержки сталинской власти первоиерархами обновленческой церкви, на местах священники и даже представители епископата не чурались участия в пропагандистской кампании нацистов. В ряде оккупированных районов РСФСР, в особенности на Северном Кавказе и Юге России, обновленцы существенно обошли сергиан в деле восстановления приходской системы. На территории же свободной от оккупации обновленческая иерархия также продолжала существовать, более того, до 1943 года и знаменитой встречи Сталина с митрополитами маятник «государственного доверия» не качнулся в сторону одного из противоборствующих направлений (особенно ярко это доказывает случай с протоиереем Сергием Румянцевым).

Во второй половине 1943 года и в 1944 году можно наблюдать процесс последнего витка противостояния между обновленцами и сергианами: и те, и другие активно поддерживали советскую власть, организовывали сбор средств на военные нужды и старались «обогнуть» конкурентов «на патриотическом поприще». Но изменение государственной политики в церковном вопросе сказалось и на численности епископата данной юрисдикции. По подсчетам протоиерея Валерия Лавринова, за 1944—1945 годы принесли покаяние и перешли в Московскую Патриархию 20 обновленческих архиереев [Лавринов, 2016, 32—33]. Кончина летом 1946 года обновленческого митрополита Александра (Введенского) предопределила воссоединение с РПЦ самых стойких поборников обновленчества. Со смертью последнего обновленческого митрополита Филарета (Яценко) раскол в Православной Церкви был окончательно уврачеван.

Источники и принятые сокращения.

1. АСПБЕ. — *Архив Санкт-Петербургской епархии*. Ф. 1 (Дела духовенства Ленинградской епархии). Оп. 3 (2). Д. 199.
2. ГАКК — *Государственный архив Краснодарского края*. Ф. Р—1519 (Уполномоченный совета по делам русской православной церкви). Оп. 3. Д. 2.
3. *Из церковной жизни* // Кубань. 21 января 1943.
4. ЦГА Санкт-Петербург. — *Центральный государственный архив Санкт-Петербурга*. Ф. 9324 (Уполномоченный по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по городу Ленинграду и области). Оп. 1. Д. 5.
5. ЦДНИКК — *Центр документации новейшей истории Краснодарского края*. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 729.
6. *Церковная жизнь* // Кубань. 27 октября 1942.

Литература

1. *Ковалев Б. Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации / Б. Н. Ковалев. — Москва : Молодая гвардия, 2011. — 624 с.
2. *Лавринов В. свящ.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей / Лавринов В., свящ. — Москва : Общество любителей церковной истории, 2016. — 736 с.
3. *Петров И. В.* Между праведным делом спасения евреев и предвоенным отступничеством : к вопросу об особенностях деятельности просоветски настроенного православного духовенства в годы Второй мировой войны на примере епископа Викентия (Никифорчика) / И. В. Петров // Сретенские чтения. Материалы XXIII научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. — Москва : Издательство Свято-Филаретовского института, 2017. — С. 188—193.
4. *Слесарев А. В.* Новооткрытые сведения о миссионерском служении преподобномученика Серафима (Шахмута), архимандрита Жировичского / А. В. Слесарев // Церковно-исторический вестник ХРОНОС. — 2017. — № 4. — С. 113—122.
5. *Филоненко С. И.* Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 — февраль 1943) / С. И. Филоненко, С. В. Филоненко. — Воронеж : Воронежский государственный аграрный университет, 2005. — 256 с.
6. *Фролов А. А.* Оккупация глазами переживших. Историческое исследование 1917—2015 / А. А. Фролов. — Челябинск : Юно-Уральское книжное издательство, 2015. — 658 с.
7. *Шишкин Е. Н.* «Маршал воинствующих обновленцев» : деятельность митрополита Василия Кожина на Северном Кавказе после освобождения региона от гитлеровцев (февраль 1943 — февраль 1945 года) / Е. Н. Шишкин // Вестник Челябинского государственного университета. — 2015. — № 2 (357). История. — Вып. 62. — С. 108—116.
8. *Шишкин Е. Н., свящ.* Русская Православная Церковь на оккупированных территориях Кавказа в августе 1942 — феврале 1943 гг. / Е. Н. Шишкин // Вестник ПСТГУ. Серия II. — 2014. — Вып. 6 (61). — С. 113—127.
9. *Шкаровский М. В.* Церковь зовет к защите Родины. / М. В. Шкаровский. — Санкт-Петербург : Сатис ; Держава, 2005. — 624 с.

Renovationist Church Episcopate in USSR in 1941—1945: Transformations of Political Views¹

© **Ivan V. Petrov (2019)**, orcid.org/0000-0002-3692-7938, SPIN-code 3118-6407, Researcher ID K-8664-2013, PhD in History, assistant lecturer, Department of Newest History of Russia, Institute of History, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), i.petrov@spbu.ru.

1 The article is supported by RSF grant No. 18-78-00048 “Service of the Russian Orthodox pastoral ministry in the temporarily occupied regions of the RSFSR in 1941—1944.”

The article is devoted to the problem of political preferences of the renovationist episcopate in the USSR in 1941—1945. The author notes that, contrary to the popular opinion about the Pro-Soviet positions of all the bishops-renovationists in the temporarily occupied by the Nazis territory of the RSFSR, many of them were able to successfully return to their ministry, took the previously empty Episcopal chairs and actively carried out anti-Soviet propaganda. It is emphasized that in the territory free from occupation, the Renovationism leaders from the first days of the war stood actively on the Pro-Soviet position, called on believers to fight the enemy. The author proves that initially the Soviet government provided the Church with the same support as the sergiants, and only after September 1943 a smooth preponderance of state preferences in favor of the "old churchmen" begins. Attention is paid to the fact that in the conditions of the end of the war many active figures of the Renovationist movement for a long time successfully competed with the Moscow Patriarchate, and then, when it was necessary to reunite with the Russian Orthodox Church, took all possible steps to preserve their own influence. The presented author's development is based on the materials of Russian archives, as well as modern scientific literature devoted to the problems of the history of religion during the Great Patriotic war and the study of divisions within the Russian Orthodoxy.

Key words: Renovationist Church; Great Patriotic war; Nazi occupation; Moscow Patriarchate; North Caucasus; Kuban, Leningrad.

Material resources

- ASPbE. — *Arkhiv Sankt-Peterburgskoy yeparkhii*. F. 1. (Dela dukhovenstva Leningradskoy yeparkhii). Op. 3 (2). D. 199. (In Russ.).
- GAKK. — *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya*. F. R—1519 (Upolnomochennyy soveta po delam russkoy pravoslavnoy tserkvi). (In Russ.). Op. 3. D. 2. (In Russ.).
- Iz tserkovnoy zhizni*. (21 yanvarya 1943). Kuban'. (In Russ.).
- TsDNIKK. — *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Krasnodarskogo kraya*. F. 1774-A. Op. 2. D. 729. (In Russ.).
- Tserkovnaya zhizn'*. (27 oktyabrya 1942). Kuban'. (In Russ.).
- TsGA. — *Sankt-Peterburg. Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga*. F. 9324. (Upolnomochennyy po delam Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi pri Sovete Ministrov SSSR po gorodu Leningradu i oblasti). Op. 1. D. 5. (In Russ.).

References

- Filonenko, S. I., Filonenko, S. V. (2005). *Krakh fashistskogo «novogo poriyadka» na Verkhnem Donu (iyul 1942 — fevral' 1943)*. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet. (In Russ.).
- Frolov, A. A. (2015). *Okkupatsiya glazami perezvivshikh. Istoricheskoye issledovaniye 1917—2015*. Chelyabinsk: Yuno-Uralskoye knizhnoye izdatelstvo. (In Russ.).
- Kovalev, B. N. (2011). *Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii v period natsistskoy okkupatsii*. Moskva: Molodaya gvardiya. (In Russ.).
- Lavrinov, V. (2016). *svyashch. Obnovlencheskiy raskol v portretakh yego deyateley*. Moskva: Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii. (In Russ.).

- Petrov, I. V. (2017). Mezhdru pravednym delom spaseniya evreyev i predvoyennym otstupnicestvom: k voprosu ob osobennostyakh deyatelnosti prosovetski nastroyennogo pravoslavnogo dukhovenstva v gody Vtoroy mirovoy voyny na primere yepiskopa Vikentiya (Nikiporchika). In: *Sretenskiye chteniya. Materialy XXIII nauchno-bogoslovskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*. Moskva: Izdatelstvo Svyato-Filaretovskogo instituta, 188—193. (In Russ.).
- Shishkin, E. N., svyashch. (2014). Russkaya Pravoslavnaya Tserkov na okkupirovannykh territoriyakh Kavkaza v avguste 1942 — fevrale 1943 gg. *Vestnik PSTGU. Seriya II. Vyp. 6 (61)*: 113—127. (In Russ.).
- Shishkin, E. N. (2015). «Marshal voinstvuyushchikh obnovlentsev»: deyatelnost' mitropolita Vasiliya Kozhina na Severnom Kavkaze posle osvobozhdeniya regiona ot gitlerovtsev (fevral' 1943 — fevral' 1945 goda). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2 (357): *Istoriya*, 62: 108—116. (In Russ.).
- Shkarovskiy, M. V. (2005). *Tserkov' zovet k zashchite Rodiny*. Sankt-Peterburg: Satis; Derzhava. (In Russ.).
- Slesarev, A. V. (2017). Novootkrytye svedeniya o missionerskom sluzhenii prepodobnomuchenika Serafima (Shakhmutya), arhimandrita Zhirovichskogo. *Tserkovno-istoricheskii vestnik XPONOS*, 4: 113—122. (In Russ.).